

Многие мужчины-режиссеры меня опасаются

На канале МузТВ Рената Литвинова ведет программу практически именную и авторскую — «Кино-Премьеры» с Ренатой Литвиновой. Новинки киноиндустрии? Не похожа она ни на одну другую уже в силу того, что ведущая может вступать в причудливые, чисто литвиновские диалоги с собеседниками: «Зубы у вас такие белые» — «Вы меня засмущали» (это ответ актера Артема Ткаченко). — «Постоянно этим занимаюсь. Удовольствие у меня такое». На съемках одной из программ корреспонденту «Культуры» пришлось провести довольно много времени: с 11 до 17 часов. Возможности поговорить с ведущей не было: она меняла костюм, то вела телефонные разговоры, что-то уточняла по ходу съемок. Так что пришлось отправиться для продолжения разговора в ресторан, причем туда, где готовят суп. Перед встречей меня для чего-то предупредили, чтобы я, завидев Ренату, не бросалась прямо к ней, а согласовала свои вопросы с ее помощниками и не спрашивала про личную жизнь. Собственно, подобных намерений и не было, как и никакой регламентации со стороны самой Литвиновой, что и выяснилось впоследствии и что не требовало доказательств, поскольку собеседница ожидалась умная.

Подозреваю, что вы, Рената, все-таки не тот человек, который только ради появления в телевизоре будет заниматься какими бы то ни было телепроектами. Чем вам дорога эта программа МузТВ?

— Прежде всего это очень интересно. Я, например, знаю теперь обо всех фильмах, которые выходят в прокат, нахожусь в курсе всех кинематографических событий. У меня был такой период, когда я пришла к принципиальному решению сниматься не много. Просто для того, чтобы большую часть времени проводить в Москве, а работа на телевидении к этому располагает. Тем более что наша программа посвящена кино. Иногда это занятие преподносит очень интересные встречи: с Люком Бессоном, Миллой Йовович, да много с кем. Была на программе и Кира Муратова, безумное число интересных людей. Хотя попадают и не очень интересные. Но тем не менее мне нравится встречаться с людьми. Я не отношусь к ненавистникам контактов. Есть такие люди, любящие ограничивать круг общения.

Предложение исходило от МузТВ, либо это ваша инициатива — вести программу о кино?

— Это предложение МузТВ.

На предварительной встрече с авторами проекта какие задачи перед вами поставили?

— Никто меня ни в чем не ограничивал. Я, как творческая единица, абсолютно независима и свободна. В этом смысле мне очень комфортно.

Программа наверняка тесно связана с прокатчиками, судя по тому, что идет в ней довольно мощных рекламный блок фильмов, выходящих в прокат. Странно в таком случае, почему не «режут» некоторые ваши тексты, в которых вы позволяете себе «вольности»...

— Любая реклама, как бы я ни отзывалась о той или иной картине, — уже неплохо.

— Но вы же прямо говорите в эфире: «Я на этот фильм не пойду»...

— Тем не менее мы на него обращаем внимание. Я считаю, что любое упоминание, каким бы оно ни было негативным, позитивно само по себе.

Это внимание к картине. Иногда анти-реклама лучше, чем реклама. Не думаю, что своими высказываниями как-то наврежу картинам. Я высказываю свое личное мнение и делаю это искренне. Слава богу, мне никто не говорит о том, что я должна похвалить тот или иной фильм. Тем более как я могу это сделать, если часто даже не успеваю его посмотреть. Просто анонсирую фильм и размышляю на ту или иную тему, предположим, бунтарского кино или «Детям до 16».

— Кто отбирает кинематографистов, с которыми вы беседуете?

— Иногда я сама приглашаю. Пытаюсь оградить себя от общения с некоторыми персонажами, скажем, из шоу-бизнеса. Хотелось бы встречаться с людьми, которых уважаю, чье творчество мне интересно. С кем-то, наверное, могла бы поговорить, но это не доставило бы мне особой радости. Возможно, и этим людям тоже. Хотелось бы от такого общения получать удовольствие и хоть какой-то взаимный обмен.

— Не существует даже никакого ценза, связанного с тем, что это молодежный музыкальный канал?

— Я вам один раз уже ответила. Повторю, нет. И это прекрасно, как мне кажется.

— Случалось непредсказуемое в процессе общения, когда все шло не по вашему сценарию? Приходил, допустим, к вам человек и начинал неожиданно себя вести?

— Как-то пришли режиссер с артистом. Они так нервничали, что даже выпили для храбрости много водки, и у нас такое было...

— Они вас боялись?

— Очень многие, кстати, опасаются меня. Мужчины-режиссеры почему-то начинают нервничать.

— Да и режиссер Резо Гигинеишвили во время сегодняшнего вашего диалога был напряжен. С него наверняка семь потов сошло, пока он с вами разговаривал. Так мне показало. Однажды я даже где-то прочитала фразу: «Устал, как будто брал несколько интервью у Ренаты Литвиновой».

— Ну вот видите.

— Зато сюжет с тем же Резо живой получился.

— Да, а то бывают такие дубовые интервью иной раз, просто удивляешься.

— Режиссеру Алексею Гордееву вы, конечно, выдали по полной программе.

— Кто это?

— Автор фильма «Никто не знает про секс». Он пообещал, что если будет вас снимать, то оставит в трусах и не станет обнажать, как это произошло с актрисой, снявшейся в его фильме. Как вы ему сказали в ответ: «Вы наглый!» Все дело в интонации. И человека не стало.

— Вы видели эту картину? Я нет. И совершенно не готовлюсь к тому, чтобы сниматься у этого человека.

— А вы, Рената, способны защитить себя в неожиданных и бесконтрольных ситуациях?

— Если это не граничит с хамством или прямым оскорблением, мне кажется, каждый может высказать свое мнение. Оно даже может быть нелицеприятным, но корректным. Как бы мне ни было не близко творчество какого-нибудь режиссера или актера, я отношусь к людям уважительно. Это моя задача — уважать собеседника, относиться к нему с пониманием. Снисходительный тон не люблю. Некоторые журналисты, не имеющие никакого отношения к нашей

Р.Литвинова

профессии, позволяют себе именно снисходительно рассуждать о кинематографистах. Этот оскорбительный тон, на мой взгляд, недопустим.

— Но самые жестокие люди в своих оценках — сами же творцы. Ни один критик не произнесет таких уничтожающих слов, как, скажем, коллега по цеху.

— Вы же знаете, что современники друг к другу неспокойно относятся. Ревность, зависть, предвзятость присутствуют, и ничего с этим сделать нельзя. Все испытывают друг к другу сложные чувства. Только время всех нас рассудит. Работая над документальным фильмом «Нет смерти для меня», я брала интервью у актрис — Нонны Мордюковой, Татьяны Окуневской, Татьяны Самойловой, Лидии Смирновой и Веры Васильевой. Они были настолько неспокойны по отношению друг к другу. Не называли фамилий давно умерших актрис, даже тех, кто вышел в тираж, кого не помнит публика. Эмоции, которые актеры испытывают к тем, кто находится внутри этого цеха, понятны и объяснимы. Все они оказались на одной территории, делили одни и те же роли. Поэтому и были так неравнодушны друг к другу. Хотя я бы могла говорить о них с равным уважением. Да, Татьяна Кирилловна Окуневская была очень неспокойно настроена. Дух соперничества был ей свойствен. И не одна она такая. У нас любят поему-то, когда кто-то заболел или, не дай бог, умер. Тогда человек становится не опасен, и его начинают честовать и любить. Лично я люблю талантливых людей. Они меня вдохновляют. Вы так молчите. Спросите у меня что-нибудь. Я уж не знаю, что и сказать.

— Иной раз говорят, что кинематографисты, взявшись за руки, не пускают в свой круг...

— Где-то не пускают, а где-то пустят. Я не верю в несостоявшихся гениев. Если тебе нечто дано, то это проявится рано или поздно.

— В одной из ваших программ вы произнесли фразу «Мы пытаемся исследовать, какое же кино молодежи пойдет смотреть, будет ли брать штурмом кинозалы». За довольно длительное время ведения программы узнали ответ?

— Если бы это можно было просчитать, неужели бы мы не просчитывали. Колоссальную силу, конечно, имеет рекламная кампания. Хорошо это или плохо? Когда на рекламу потрачено определенное количество денег, то картина все-таки и собирает немало. Есть какая-то черта, ниже которой сборы не опускаются. В принципе, большой бюджет — гарант определенных сборов. Хотя случается, что и при таких удачных обстоятельствах картина ничего не собирает в прокате. Некоторые провидцы типа продюсера Елены Яцуря можно брать в сомненья по этому вопросу. Сама она, к примеру, иногда делает ставку на совершенно непонятные проекты, и они вдруг оказываются востребованными. Это чутье, нюх, особый дар — предугадывать будущий коммерчески успешный проект.

— На «Кинотавре» о картине Алексея Балабанова «Мне не больно» в которой вы сыграли главную роль, продюсер Сергей Сельянов сказал, что фильм этот не будет коммерчески успешным в силу того, что молодежь чувствовать не научилась...

— Он напрасно так сказал. Я считаю, что картина долгоиграющая и очень зрительская. Даже те, кто относится ко мне негативно, к фильму отнеслись позитивно. Видимо, в этой картине я их как-то убедила. Может быть, Сергею Сельянову именно в тот момент показалось то, о чем он сказал. Какая-то досада есть в его словах о молодых. Я не считаю, что они не научились чувствовать. Наоборот, молодежь первая бежит в кино, в том же Интернете рассказывает о своих ощущениях. У молодых есть голод на хорошие картины. Меня поражает, когда фильмы режиссеров с блеском гениальности не идут в кинотеатрах, быстро снимаются с репертуара. В руках прокатчиков находится общественное сознание, та же самая молодежь. А они иногда ставят исключительно то, что ориентировано только на кассу.

— А вы довольны прокатом своего фильма «Богиня»?

— Я выступала перед прокатчиками, когда мы его выпускали, говорила им, что в их руках моя судьба. Призывала каждый раз хорошо задумываться над тем, какие фильмы они показывают. Говорила им о том, что в данном случае они, может быть, чью-то судьбу решают, принимая или не принимая фильм. Часто директора кинотеатров — люди далекие от кино. Для кого-то бизнес превыше всего. Всем им надо как-то работать над собой.

— Вы с новым проектом запускаетесь?

— Снимаюсь в «Жестокости». Снимет его дебютантка Марина Любакова. Художественным руководителем стал Павел Лунгин, а сценарий написал Денис Родимин — хороший сценарист, автор «Бумера». Это фильм о двух женщинах, которые мстят мужчинам.

Недавно доозвучила картину Кирры Муратовой «Еще две истории». Мы надеялись, что ее покажут на Венецианском фестивале, но не успели закончить вовремя. Думаю, что это будет абсолютный шедевр. И история новая, таких Кирра еще не снимала.

— Это ведь ваши две новеллы, эти «еще две истории»?

— Да. Картина о стареющем гленибее. Я считаю, что она такая же увлекательная, как «Настройщик», но совсем другая, с выдающейся ролью для Богдана Ступки. И у меня совершенно неожиданная и очень смешная роль. Такая женщина-мечта с половинчатой рукой. Озвучивала ее и в очередной раз была поражена прорыву Кирры Муратовой.

— Первый украинский фильм в биографии Муратовой...

— Там действительно нет русских денег. Даже не знаю, будут ли его прокатывать в России. Если нет, то весьма трагично.

— Будете ли вы продолжать играть Раневскую в МХТ?

— Видимо, да.

— Как вам кажется, Адольф Шпидер, поставивший «Вишневый сад», шел правильным путем в работе с вами?

— Я-то думаю, что он от отчаяния пригласил меня на роль. Он рисковал. Я ведь не театральный работник. Выход, насколько не совпадала от и до с тем, что происходит в театре, с жизнью в нем. Я много разговаривала о своем местонахождении на сцене с Олегом Павловичем Табаковым. Он мне сказал, что если бы видел, что я делаю что-то плохо, то сказал бы об этом. У меня были метания, терзания, серьезные разговоры с Олегом Павловичем.

— Это не то что очень плохо, это хорошо...

— Была масса мнений и противоположных вашему.

— Я спросила о Шапиро потому, что, как мне кажется, он пошел верным путем, поскольку вы актриса, которую надо на волю отпускать, и все само придет. Или же я не права, и вас нужно как следует поломать?

— Режиссура все-таки состоит в том, чтобы довести актера до того, чего ты хочешь от него получить. Например, это блестяще делает Кира Муратова. Она, с одной стороны, меня отпускает, а с другой — останавливает, учит тому, чтобы я была еще и другая. Вот сейчас мы работали с ней, и она говорила: «Вы уже так делали, так играли, уже были такой». Это так же относится к костюму, гриму, как и к манере играть. То же самое было у Балабанова. Чем режиссер более режиссер, тем больше он, конечно, артиста использует для своего фильма. И артист у него не поет свою песню. Он поет все-таки песню режиссера. Надо, чтобы он одновременно совпал с текстом, выполнял задачи замысла в целом и не тянул одеяло на себя. В фильме «Небо. Самолет. Девушка» у меня было соло. Я играла как хотела. По отношению ко мне режиссер полностью отсутствовал. Оператор Михаил Кричман снимал потрясающе — он делал свою версию фильма. А я пела свою версию сценария.

— А вы очень удивились, когда Алексей Балабанов позвал вас в свой фильм «Мне не больно»? На посторонний взгляд, Литвинова и Балабанов — две вещи несовместные...

— Да, ладно. Мы с ним отлично дружим.

— Есть же какие-то стереотипы и представления, определенный имидж.

— У кого? У Леша, что ли? Я об этом так много говорила... Может, мы обсудим что-то другое. Я просто Лешу очень люблю и все время говорю, что он — совсем божий человек. По сравнению с нашими коммерческими, я бы даже сказала, агрессивно настроенными режиссерами в особенности. У многих ведь главная концепция — быть востребованными любой ценой.

Не могу сказать, что сильно удивилась, когда Алексей Балабанов предложил мне роль в своем новом фильме. Просто в тот момент вообще не хотела сниматься. Но пошла на компромисс. Леша не могла отказать. Я тогда очень близка была к тому, чтобы не сниматься вообще.

— Почему?

— Бывают же такие личные обстоятельства, когда тебе нельзя нигде отвечать. Хотелось вообще уйти из кино.

— И писать, писать, писать...

— Нет, хотелось немножко углубиться не в общественную стезю, а в личную.

— Один продюсер, занимающийся проведением кинофестивалей и разного рода кинематографических акций, сказал мне, что все, кто музыку заказывает, хотят только Федора Бондарчука и Ренату Литвинову...

— Правда, что ли? Это хорошо или плохо?

Беседу вела Светлана ХОХРЯКОВА

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ